

Что касается пожеланий отдельных социальных групп увеличить объем публикаций на темы развлекательного или консультационного характера, то здесь необходимо отметить, что в газете общественного политического типа, каковой является «Заря», ведущими выступают информационная и обзорно-комментирующие функции. Остальные функции (рекреативная, рекламная, просветительская) в газете данного типа – дополнительные. Перераспределение нагрузки между целевыми установками редакции предполагает соответствующее изменение в модели газеты. Фокусируя внимание на положении дел в своей регионе, журналисты ориентируются на постоянного читателя, а это прежде всего читатель средних лет и старшего возраста. Поэтому газета имеет умеренно-консервативное содержание, стиль и дизайн. К достоинствам редакционного коллектива отнесем использование различных форм обратной связи: это и постоянные рубрики («Из редакционной почты», «Нам пишут»), и «прямая линия», публикации типа «из номера в номер» и другие формы контактов.

В завершение отметим, что замер общей аудитории газеты «Заря», положительные и по многим показателям высокие оценки читателей демонстрируют влияние газеты на районном информационном поле. Вместе с тем редакционному коллективу стоит обратить внимание на имеющиеся возможности расширить содержание тех или иных тематических блоков, заполнить тематические пустоты. И, безусловно, следует прислушаться к пожеланиям своих читателей.

Прокопенко З.Т., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания БелГУ
(Грант РГНФ № 03-04-00335 а/п)

Беллетристика Ю.Н. Говорухо-Отрока

Юрий Николаевич Говорухо-Отрок на сегодняшний день известен довольно узкому кругу литературоведов в то время, когда имена его близких друзей Н.Н. Страхова, Л.А. Тихомирова, В.В. Розанова включены в научный оборот, их труды переиздаются, изучаются и обсуждаются на конференциях.

В чем же причина забвения Говорухо-Отрока, тот факт, что его имя было буквально вычеркнуто из литературного процесса в двадцатом веке.

Частично на этот вопрос ответила И.Ф. Петровская в своей статье «Ю.Н. Говорухо-Отрок», опубликованной тридцать лет назад в кн.: «Очерки истории русской театральной критики. Вторая половина XIX века», где исследовательница справедливо писала: «Задача настоящего искусства, – по убеждению Говорухи-Отрока, – суд над жизнью во имя определенной морали...

Подлинные произведения искусства лишь те, которые в художественной форме несут в себе «вечное», то есть общечеловеческое, проводят истинную идею, утверждающую высокую нравственность».

Однако прежде чем так достойно оценить эстетические принципы Говорухо-Отрока, И.Ф. Петровская вынуждена была отдать дань советской методологии, без чего ее статья не могла бы состояться. Личность Говорухо-Отрока приобретает иной оттенок: «Апология православной монархии как высшей формы государственности, защита религии не только на уровне философии, но и в таком ее выражении, как вера в чудеса, ярко выраженное неославянофильство с безоговорочным отрицанием современного Запада, – пишет она, – сделали имя Ю.Н. Говорухо-Отрока одиозным в широких кругах русской интеллигенции. Даже полемика с ним казалась невозможной, хотя незаурядность его признавалась и в либеральной печати».

Вот один ответ на поставленный вопрос. Действительно, кто и зачем захочет выводить на свет из темноты забвения «одиозное имя», если от него будто бы отшатнулись даже современники, «широкие круги русской интеллигенции».

Итак, причина неостребованности Говорухо-Отрока в советский период более-менее ясна. Но как же воспринимали творчество и его идейно-философские основы современники в интерпретации исследователей советского периода. И.Ф. Петровская уверенно заявляет, что и современники отвернулись от Юрия Николаевича, ссылаясь на некролог «Вестника Европы»: «Даже полемика с ним казалась невозможной, хотя незаурядность его признавалась и в либеральной печати»(1). Открываем девятый номер указанного журнала за 1896 и читаем следующие слова о безвременно почившем Говорухо-Отроке: «Расходясь с ним почти во всем, часто восставая против его мнений, мы всегда видели в нем крупную умственную силу и искренне сожалеем, что ему не удалось высказаться до конца, не удалось исполнить занимавшие его широкие планы...»(2). Совсем не то. Оказывается, не чуждались его современники, напротив, сожалели, что прервалась полемика с выдающимся талантом, а ведь в споре рождается истина.

В.В. Розанов, сам высоко ценивший творчество Говорухо-Отрока, вспоминает и о том, как относился к Юрию Николаевичу Н.Н. Страхов: «Они не были связаны дружбой – за недосугом; лишь проезжая через Москву, Страхов пользовался несколькими днями остановки и почти постоянно проводил их у Говорухо-Отрока. Он высоко ценил ум покойного и его образование. Когда однажды пишущему эти строки, – продолжает Розанов, – случилось говорить о печальном состоянии текущей литературы, он с живостью указал на Юрия Николаевича и назвал его критическую деятельность «светлым явлением нашей литературы за последние годы». Он находил в нем существенную черту критика – любовь к литературе в ее собственных задачах и оценку каждого порознь литературного произведения с точки зрения *правильности* (курсив В.В.

Розанова) способов, в нем употребленных для осуществления такой задачи. «Всегда он умеет схватить, – продолжал еще маститый критик, – главную мысль обсуждаемой статьи и подвергнуть ее суду основательному и точному» (3).

Подобных отзывов можно привести множество, но утверждать, что при жизни Ю.Н. Говорухо-Отрок был по достоинству оценен, нельзя. В литературном процессе конца XIX века силу набирала «тенденция», принадлежность к «партии», которая выдвигала своих лидеров в лице критиков, поддерживающих определенное «направление».

В.П. Мещерский в журнале «Гражданин» обратил на этот факт особое внимание. Говорухо-Отрок, по его словам, «замечателен тем, что от самых либеральных увлечений перешел после внутренней борьбы к твердому и убежденному консерватизму, но перешел без шума, без рекламы...

И душу, и разум, и перо свое, – продолжает Мещерский, – он отдал на фанатичное служение своим светлым убеждениям в печати: любимой работой его стала критика, в ней он мог отражать и свое тонкое чутье художника, свои приобретенные борьбой и душевными страданиями убеждения, и, как критик, он, по-моему, не имел себе равного в русской печати» (4).

На смерть Юрия Николаевича откликнулись буквально все русские периодические издания, а также некоторые зарубежные журналы. Предоставим слово другу покойного – Льву Александровичу Тихомирову, который одновременно с Говорухо-Отроком привлекался в 1874-1877 годах по «процессу 193-х» и тоже провел три года в одиночном заключении. В статье «Памяти Ю.Н. Говорухи-Отрока», опубликованной в девятом номере «Русского обозрения за 1896 год, Тихомиров писал: «Талантливость Ю.Н. Говорухи-Отрока изумительна... по совести должно сказать, что ни в одном органе, ни в одном направлении не знаю человека столь даровитого. Блестящий литературный талант его был до того гибок и разносторонен, что это даже вредило ему, мешая найти центр своей силы. Как публицист, как полемист – везде он мог стать на первое место. Некоторое время он думал, – продолжает Тихомиров, – что настоящее его дело – беллетристика. Повести его действительно недурны, хотя я знаю лишь часть их. Но для меня несомненно, как впрочем он и сам думал, что настоящее дело его – это *художественная критика*. (Курсив Л.Т.). Тут он являлся во всей силе и в полном своеобразии» (5).

И. Ясинский в Петербургской газете «Биржевые ведомости» (№ 210) писал: «Первая повесть его / «Эпизод из ненаписанного романа» – З.П./ прошла через мои руки и была напечатана в «Слове» под псевдонимом Юрко. Две другие его повести тоже должны были пойти в «Слове», но за выходом моим из редакции этого журнала появились в «Вестнике Европы» /«Отъезд», «Развязка» – З.П./ Еще маленькая вещица его была напечатана в «Полярной звезде» гр. Салиаса («Fatum» – З.П.).

Кажется – это весь беллетристический багаж Говорухи-Отрока...

Покончив с беллетристикой, – продолжает Ясинский, – Говоруха-Отрок стал публицистом и долго писал в «Южном крае» под псевдонимом Никто» (6).

Как видим, даже близкие не имели представления о достоинствах беллетристики этого многосторонне одаренного человека, который в течение всей жизни не порывал с жанром художественной прозы, и последний его рассказ «Федор Павлович», посвященный памяти А.А. Григорьева, был написан в 1895 году, незадолго до смерти.

Мы поставили своей задачей в рамках проекта «Ю.Н. Говорухо-Отрок – критик, публицист, писатель» провести исследование и издать его сочинения. В нынешнем 2005 году при финансовой поддержке РГНФ (научный проект № 03-04-00451 а/ц) опубликован первый том, содержащий тринадцать рассказов, пьесу и повесть, с критико-биографическим очерком, примечаниями и приложением. Мы надеемся, что эта книга пополнит ряд литературной классики и будет востребована нашей общественностью и наукой о литературе уже потому, что творчество Говорухо-Отрока во многом созвучно нашей современности.

Рассказы Говорухо-Отрока – «Эпизод из ненаписанного романа» и «Тюрьма и крепость. Из посмертных записок подследственного арестанта (отрывок первый)» – написаны с разрывом в 14 лет. Это трагическая исповедь героя. В первом случае автор с легкой иронией повествует о романтических надеждах юного Евгения Николаевича Вязнова, намеренного посвятить себя литературе. С этой целью он отправляется в Петербург, чтобы познакомиться со столичными писателями, стать профессиональным литератором. Все эти помыслы буквально совпадают с личной биографией самого Юрия Николаевича, который в 1874 году прибыл в Петербург для личной встречи с Н.К. Михайловским, выведенным в рассказе под именем Малицына. Лирический герой рассказа, жаждущий справедливости и добра, не вписывается в реальную жизнь и постоянно испытывает чувство неловкости, попадая в комические ситуации. Так было в сцене на вокзале, когда он вступился за обманутого кассиром мужика, с «Дедом», бывшим крепостным, у которого Вязнов стесняется брать крестьянские деньги за аренду земли, несмотря на то, что других средств на поездку в столицу у него нет. Так было и со столичными литераторами, которые вначале скептически отнеслись к «таланту» из провинции, который привез неоконченное произведение. Этот холодный прием отрезвил Вязнова, он заперся в гостиничном номере и в короткий срок завершил начатое, состоялось повторное чтение, после которого Евгений Николаевич почувствовал страшную усталость и с трудом понял, что произошло: «Он слышал, как все заговорили сразу, слышал, что это были похвалы, каких он не ожидал; чувствовал, как ему пожимали руки, кажется, с чем-то поздравляли... «У вас большой, очень большой талант... От вас надо требовать и ожидать много... Ну, вот, господа, к новому году мы с новым писателем... Нашего полку прибыло...»(7).

В ожидании публикации своего рассказа, Вязнов беспорядочно проводит жизнь в столице, посещая сомнительного свойства рестораны, театры, а то и просто бродя по улицам, спасаясь от душевной пустоты и одиночества, живя воспоминаниями о доме, часами рассматривая портрет жены, Оли, которая одна могла его приласкать и успокоить в минуту душевного смятения. Но Оля была далеко, а он ждал, когда его рассказ появится в печати.

Развязка наступила неожиданно. Одним вечером, придя в номер, Евгений Николаевич увидел на столе корректуру и записку от Малицына с приглашением повидаться. С радостью почувствовал Вязнов, что жизнь снова возвращается к нему, как вдруг произошло поистине страшное и непоправимое. Дверь распахнулась, вошли жандармы, и Вязнов был арестован.

Рассказ четко делится на две части. В первой части рассказа герой в поисках своего места и назначения в жизни. Вторая – заключение в одиночке.

Здесь происходит идейно-нравственное перерождение Вязнова, и здесь отчетливо звучит авторская исповедь самого Юрия Николаевича, который, как и его герой, навсегда отверг «самое подлое, самое отвратительное – духовное рабство», преклонение перед авторитетами. Душа его рвалась к свободе, а свободу в тюрьме он видел только в смерти, в самоубийстве, на что решается Говорухо-Отрок и его герой Вязнов. Возрождение несчастного пленника юношеских заблуждений свершится под влиянием искренней веры в Христа, в чтение Евангелия, которое было кем-то забыто на столе камеры.

Этот рассказ, написанный за несколько месяцев до покушения на Александра II, царя – Освободителя должен был произвести отрезвляюще действие на некоторых приверженцев идейного терроризма. Может, с кем-то это и случилось, однако главные исполнители «народной воли» не остановились перед злодейством государственного масштаба. Они не читали таких рассказов.

Не случайно С.М. Степняк-Кравчинский, убивший в 1878 году дни на Михайловской площади Петербурга шефа жандармов Мезенцева, писал в «Подпольной России»: «Процесс 193-х» изменил тип пропагандиста который был идеалистом, подобным первым христианам... Социализм был его верой, народ – его божеством... На горизонте обрисовывалась сумрачная фигура, озаренная точно адским пламенем, которая с гордо поднятым челом и взором дышащим мстостью, стала пролагать свой путь среди уstraшенной толпы, чтобы вступить твердым шагом на арену истории.

То был – террорист (8).

В рассказе «Эпизод из ненаписанного романа» говорится о том, что известный литератор Малицын поощал Вязнова в тюрьме, стремясь поддерживать в нем революционный дух. Так поступал и Н.К. Михайловский, стремившийся подчинить своему влиянию Юрия Николаевича, понимая, что этот молодой выдающийся ум со временем может стать идеологом революционно-демократического движения.

Но эти надежды не оправдались. Говорухо-Отрок, как только

освободился, решительно порывает с прошлым и выступает в печати как противник революционных действий. В 1881 году в журнале «Полярная звезда» появился рассказ «Fatum», за ним в 1882 году «Отъезд» и «Развязка» о революционерах, разуверившихся в прежних идеалах.

В рамках небольшой статьи остановимся только на рассказе «Fatum», как наиболее ярко выделяющемся из всех названных. Это скорее не рассказ, а психологическая драма. Герои – курсистка Нина Аркадьевна и революционер-террорист Сергей Михайлович. Они познакомились в провинции, когда Нине было только семнадцать лет, Сергей Михайлович тоже в то время совсем молодой человек. Он страстно полюбил юную девушку, объяснился с ней и от ее решения зависела его судьба, какой путь избрать в жизни. Нина не ответила на эту любовь, она еще не знала этого чувства, но ей стало страшно, когда она поняла, какую боль нанесла в сущности дорогом ей человеку.

Прошло пять лет. За эти годы Нина Аркадьевна так никого и не полюбила. Теперь она поняла, что произошла роковая ошибка – именно он, Сергей, прочно занял место в ее сердце. «И вот среди всей этой жизненной лжи и пошлости чем больше она понимала, чем больше чувствовала, тем ярче и ярче выступал его образ, человеческий, глубоко человеческий, несмотря на все слабости, недостатки, порой досадные и смешные, порой обидные...». (39)

Сергей Михайлович стал профессиональным революционером, скрывался на конспиративных квартирах, жил под чужим именем и знал, что полиция постоянно охотится за ним. Но к такому положению он привык. Новым было то, что он убедился в ошибочности избранного пути. Последний случай, когда он, спасаясь от ареста, ранил жандарма, привел его к последней черте – он решил сдаться, но перед этим увидеть Нину, проститься и идти на смерть.

Трагический финал рассказа, казнь Сергея Михайловича, которую видит Нина, видит, как он, самый дорогой и любимый ею человек, узнал ее, лицо его «тронулось улыбкой, доброй и печальной», и его помертвелые губы прильнули к матовому серебру креста...» (52).

Говорухо-Отрок не мог оставить своего героя без веры, без покаяния. В тюрьме Сергей Михайлович отказался от крестоцелования, хотя утвердительно сказал священнику, что веруют, но еще не готов. Он ждал чуда, и оно свершилось – Нина проводила его в последний путь.

Однако ни тени авторской иронии нет в этом рассказе, больше того, здесь в полный голос звучит резкое осуждение властей, приговоривших к расстрелу человека, который раскаялся и пришел с повинной.

Рассказ, в котором народоволец Сергей Михайлович изображен не бесстрашным героем, а напротив, человеком изверившимся, загнанным, без права на личную жизнь, обреченным на гибель, сразу же обратил на себя внимание цензуры и революционно-демократической печати.

С.А. Венгеров полагал, что появление рассказа «Fatum» «было отчасти

цензурным недосмотром».

Но он не отметил того, что журнал Е.А. Салиаса после публикации рассказа «Fatum» больше «не увидел света»: шестой номер «Полярной звезды» был последним, а сам издатель перебрался в Москву, сменив род занятий.

Все три рассказа «Fatum», «Развязка» и «Отъезд», в которых Юрий Николаевич говорит о трагической судьбе народников и бесперспективности их деятельности вызвали гневную отповедь Михайловского, который в журнале «Отечественные записки» печатает статью «Очерки нынешней беллетристики», где критик в нарочито приниженных тонах передает содержание рассказов, искажая авторский стиль и своеобразную манеру изложения с элементами недоговоренности, стремясь дешевыми приемами убедить читателя, что перед ним не революционеры, переживающие крах идей, а всего лишь «гамлетизированные поросята», и «такие эффектные заключения, как самоубийство и особенно смертная казнь, надо представить другим персонажам».

Напомним, что «легальный народник» Михайловский за свое выступление перед студентами Технологического института был подвергнут административной высылке из Петербурга с разрешением исполнять редакторские функции в «Отечественных записках», а двадцатилетний Говорухо-Отрок, участвовавший в нескольких сходках харьковской молодежи, три года провел в одиночном заключении, покушался на самоубийство, был подсудимым сурового «процесса 193-х».

В 1877 году Ю.Н.Говорухо-Отрока по решению суда приговорили к ссылке в Тобольскую губернию с «лишением всех особенных прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестанские отделения на один год и три месяца». Сенат, не обнаруживший ничего особенно опасного в деле Говорухо-Отрока, учел срок его предварительного заключения, освободив от ссылки в Сибирь и назначив местом жительства Харьков. Уже в силу этого он имел все основания рассказать русской общественности о том, что переживали участники «хождения в народ» и как складывались их судьбы. По сравнению с Михайловским даже суровый Степняк-Кравчинский был великодушнее к тем, кто не выдержал испытаний или по идейным соображениям отказался от терроризма.

В начале 80-х годов Говорухо-Отрок откликнулся и на новые веяния в русской общественной жизни. После царевубийства и казни главных террористов «легальные народники» и так называемая либеральная интеллигенция стали призывать «друзей народа» из своих рядов идти в деревни, но теперь с культурной миссией. Вчерашние помещики стали называть крестьян «добрыми соседями», с которыми надо дружить, чтобы знать их мысли, а по возможности руководить «миром», дабы вовремя предотвратить бунтарские настроения.

В 1882 году в трех январских номерах харьковской газеты «Южный

край» под видом святочного рассказа появился политический памфлет Ю.Н. Говорухо-Отрока «Как Сенечка и Веточка в народ ходили», обличающий либералов – приспособленцев, игравших в модную оппозицию и сдававших в полицию своих «друзей» при первой же угрозе личной безопасности. В рассказе наравне с супружеской четой, Сеничкой и Веточкой, получившей в свое время «диплом» за границей, собираются так называемые «прогрессисты», вспоминая о народе, когда им было это выгодно. Это Менаандр Прелестнов, Неуважай-Корыто и Прокоп, перекочевавшие из «Дневника провинциала» Щедрина в названный в памфлет Говорухо-Отрока в новом амплуа. Прокоп сохранил лающий голос и хамскую натуру, но в духе времени перелицевался в друга народа и готов ехать в свою деревню Проплеванную (название тоже щедринское, из его «Современной идиллии»): «...с ним, с мужиком – понимаешь – с Андрюшкой-вором, по-соседски жить буду... Хлеб-соль... в рыло – ни, ни! Водки хочешь – на жри, черт с тобой, ко мне придешь – ешь, пей, с детьми играйся, с женой по-славянски разговаривай!» (211).

Именно наглый крепостник Прокоп замечает следы, приспособливается к новым веяниям. Он теперь требует, чтобы Сеничка и Веточка перестали разглагольствовать, показали себя в действии и немедленно отправились в свою деревню просвещать крестьян, «добрых соседей».

Есть все основания полагать, что Говорухо-Отрок в своей сатирической миниатюре был последователем Салтыкова-Щедрина в вопросе обличения либерального популизма и фрондерства. И если Щедрина демократическая печать всегда поддерживала, то против Говорухо-Отрока, ополчилась не только либералы и демократы в прессе, началась его травля в бытовой обстановке, переросшая в политический скандал, имевший самые серьезные последствия.

23 января того же 1882 года в Харькове в зале дворянского собрания отмечался юбилей университета, на котором присутствовал Юрий Николаевич. Трое студентов спровоцировали скандал и даже драку, обвинив Говорухо-Отрока в измене прежних идеалов, назвав это «подлостью». Оскорбленный не остался в долгу, разбив стаканом лицо оскорбителя. Совет профессоров исключил студентов из университета. Начались студенческие волнения. Из Киева и Москвы для поддержания сходов прибыли «красные». Правительство приняло свои меры – «войска были приведены в движения». Периодическая печать резко разделилась на сторонников Говорухо-Отрока и исключенных студентов.

В этом многоголосье грозно прозвучал окрик недавнего друга и покровителя Юрия Николаевича, который в «Записках современника» обвинил уже совет профессоров в том, что они не вступились за исключенных студентов, а, наоборот, в том, что поддержали Говоруху, который в то время будто бы на имел к университету никакого отношения.

После освобождения Юрий Николаевич двенадцать лет прожил в

Харькове под надзором полиции без паспорта, без права покидать город. Только в 1889 году с него была снята опала, и он уехал в Москву, где стал постоянным сотрудником газеты «Московские ведомости». В этой газете наряду с критическими работами он продолжал создавать и беллетристические вещи, в каждой строчке которых светилась искренность и безграничное уважение к сильному духом русскому человеку. За это качество русского человека и патриота безо всякой примеси национализма Ю.Н. Говорухо-Отрока высоко ценили его современники. Л.А. Тихомиров в статье «Памяти Ю.Н. Говорухо-Отрока» писал: «Ему не дано было стать историком нашей литературы, чего мы ожидали бы от него при более долгой жизни. Но его пример... говорит русскому человеку: не бойся быть русским, не бойся опереться на чувство веры, говорящее в сердце твоём, верь, что это напротив источник настоящей силы твоей, которая поставит тебя полноправным деятелем во всех областях творчества, в науке, в искусстве, в устроении общественной жизни» (9).

Юрий Николаевич был славянофилом не в узком кастовом смысле, а в философском понимании самобытности русской духовной и социальной жизни. Он призывал не сторониться лучшего, что принадлежит другим народам, но заимствовать только то, что послужит на пользу русскому менталитету. Самым опасным заимствованием он считал революционные идеи Запада, отказавшись от которых Ю.Н. Говорухо-Отрок почувствовал себя свободной творческой личностью. «Он не продавал свое перо ни на каком рынке современщины» – так в одном из некрологов была оценка его сподвижническая деятельность. Многогранное и обширное творчество Юрия Николаевича, созвучное во многом нашей современности, ждет своих исследователей и популяризаторов.

Список литературы:

- 1.Петровская И.Ф. Говорухо-Отрок. В кн.: Очерки истории театральной критики. Вторая половина XIX века. – Л., 1876. – С. 269, 270.
- 2.Вестник Европы // 1896 г. №9. Общественная хроника.
- 3.Розанов В.В. Литературные изгнанники. Воспомятия. Письма. – М., 2000.
- 4.Гражданин // 1896. – №61
- 5.Тихомиров Л.А. Памяти Говорухи-Отрока // Русское обозрение. – 1896. – №9. – С. 341-360.
- 6.Биржевые ведомости. – 1896. – №210.
- 7.Говорухо-Отрок Ю.Н. Собрание сочинений. Т.1. Изд-во Шаповалова. – Белгород, 2005. – С. 171. Ссылки на этот том даются в тексте статьи с указанием страницы.
- 8.Отечественные записки // 1882. – №12. – С. 129-140.
- 9.Тихомиров Л.А. – С. С. 358.